

РЕЦЕНЗИИ

А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. 719 с

Когда в 1983 г. А.Е. Кибрик опубликовал дискуссионную статью "Лингвистические постулаты" [Кибрик 1983], обозначившую смену ориентиров в его исследовательском мировоззрении, он был уже признанным специалистом в области грамматики, типологии, прикладной лингвистики и кавказских языков. Поворот от описательного языкознания в идейных рамках позднего структурализма или модели "Смысл ↔ Текст" к объяснительной теории и от формальной грамматики к функционализму не был только фактом личной биографии автора – он совпал с важнейшим вектором развития мировой лингвистики. Рецензируемая книга показывает, каким образом была реализована намеченная в те годы исследовательская программа (итоги первого десятилетия были подведены в монографии А.Е. Кибрика [Кибрик 1992]).

Основная тема книги – универсальность и вариативность в естественном языке, границы языкового многообразия. Различия между естественными языками настолько велики, что, на первый взгляд, подрывают доверие к любой попытке построения универсальной грамматики. С другой стороны, еще более поразительны сходства между языками, предельно далеко отстоящими друг от друга в отношении родства, географического распространения и по типологическим признакам. Попытки игнорировать проблему универсального в языке как "металингвистическую" и остаться в рамках чисто описательной методологии обречены на неудачу уже по той причине, что любой лингвистический термин, применяемый к разным языкам, базируется на определенной теории (хотя и не всегда эксплицитно сформулированной). Как отмечает автор в предисловии, в современной лингвистике представлены два основных подхода к проблеме ограничений (констант), задающих пространство типологических возможностей варьирования (т.е. пространство переменных) естественного языка – формализм Н. Хомского и его последователей и функционализм Т. Гивона, С. Дика, Р. Ван Валина, Дж. Лаккоффа и многих других авторов. А.Е. Кибрик принимает за основу "когнитивную функцио-

нально-семиотическую парадигму", которая основывается на двух методологических принципах. Во-первых, структура естественного языка должна не только описываться, но и объясняться – требованию, в котором едины различные и в остальном несогласные друг с другом направления американской и западно-европейской лингвистики, но до сих пор отвергаемое или скорее игнорируемое многими российскими авторами. Во-вторых, объяснение языковых феноменов следует искать в функциональной и семиотической стороне языка. В основе языкового многообразия, как полагает автор, лежат универсальные шкалы, ограничивающие возможное разнообразие языков, притом не дискретные, а непрерывные, ввиду чего межязыковые различия могут оказываться сколь угодно малыми.

В части I ("Лингвистическое знание") рассматриваются проблемы лингвистической методологии. Приведены примеры различных видов лингвистических знаний, А.Е. Кибрик сопоставляет ценность "документальной" и "теоретической" информации о языке. К первой относятся сведения о конкретных словах, морфемах, конструкциях и т.д., ко второй – обобщения типа "в русском языке имеется 6 падежей у существительного" или типа "в каждом языке имеются существительные и глаголы", "в каждом языке имеются члены предложения". Эта классификация лишь частично соответствует противопоставлению наблюдательных, дескриптивно значимых и объяснительных обобщений у Н. Хомского. По мнению автора, документальные знания имеют ряд преимуществ над теоретическими: во-первых, они несравненно медленнее устаиваются, а, во-вторых, задача документирования некоторой области фактов, например, создание словаря, репрезентативного корпуса морфологически проанализированных текстов, полных таблиц парадигм (кроме, может быть, полисинтетических языков), практически разрешима, в то время как задача полного теоретического осмысления языковых фактов подобна убегающей от наблюдателя линии горизонта. Впрочем, чисто документальных и чисто теоретических научных работ не

существует.. документирование всегда опирается на некоторую . систему допущений (с. 37–38)

Замечу однако, что при переходе от ограниченных множеств фактов (фонемы морфологические парадигмы, аффиксы и т.д.) к неограниченным, открытым множествам, например предложениям, документирование в несравненно большей степени попадает в зависимость от теории. В качестве примера укажем на огромный объем фактов по синтаксису арчинского языка, документированных в исследовании А.Е. Кибрика [Кибрик 1977]. За последующие годы синтаксическая типология развивалась так быстро, что даже для краткой типологической анкеты по синтаксису дагестанских языков, разработанной А.Е. Кибриком в начале 1980-х гг., собранных ранее арчинских фактов, несмотря на их качество и объем, оказалось недостаточно. Поэтому в 'Материалах по типологии эргативности' предварительно опубликованных в 1979–1981 гг. и переизданных в рецензируемой книге, парадоксальным образом наиболее изученный к тому времени арчинский синтаксис представлен в ряде отношений менее полно. Наконец, в свете наших сегодняшних представлений о типологии и грамматике дагестанских языков потребовался бы новый сбор фактов арчинского языка, чтобы ответить на новые вопросы. Например, в книге 1977 г. арчинское местоимение *inʒ* характеризовалось как личное местоимение, обычно обозначающее при глаголах речи один из актанта глагола, зависящего от глагола говорения: *low inʒ wirx, dērʒi ewdi* 'Он, (что) он поработал, говорил'. А.Е. Кибрик не исходил тогда ни из какой теории анафорических местоимений, потому что в 1977 г. такой теории не существовало. Ожидалось, что в принципе анафорическое местоимение может обнаружить и такие синтаксические свойства, и любые другие. За прошедшие годы мы узнали, что свойства анафорических местоимений далеко не произвольны и не случайны; в терминах нынешних классификаций скорее можно предположить, что арчинское *inʒ* относится не к личным местоимениям, но к логофорическим дистантным рефлексивам. Недостаточна уже и синтаксическая анкета 1980-х гг. – современному уровню знаний отвечает скорее анкета Е.А. Лютиковой по анафорическим местоимениям, опробованная, в частности, под руководством А.Е. Кибрика на материале дагестанских языков [Лютикова 2002]. Таким образом, мы видим, что при исследовании синтаксиса и семантики фактический материал, сколь это ни обидно, устаревает вместе с теоретическими предпосылками, которые положены в основу

анализа. Устаревание, впрочем не отменяет научного значения фактов, оно лишь обнаруживает их неполноту.

Лингвистика 1950–1960-х гг. характеризовалась стремлением применить к языку естественнонаучные методы, и, признавая, что этот подход привел к большим успехам, автор в то же время подчеркивает, что со временем стали очевидны его ограничения, так как язык далеко не только естественный природный объект, но также объект психической, социальной, культурной и т.д. природы. Решение прикладной проблемы общения человека с машиной на естественном языке оказалось невыполненным и – даже на сегодняшнем уровне наших знаний – невыполнимым обещанием. Под "лингвистикой 1950–1960-х гг." А.Е. Кибрик подразумевает в первую очередь модель "Смысл ↔ Текст" и ранние варианты порождающей грамматики Н. Хомского, точнее, то понимание ее, которое было распространено в российской лингвистике (в действительности Хомский с самого начала резко критически относился к структуралистской методологии с ее культом строгого описания и считал влияние прикладных моделей не только бесполезным, но даже вредным для теоретических исследований). Формальные модели не есть единственный инструмент развития лингвистической теории, они применимы лишь к некоторым аспектам языка. Альтернатива формально-описательной лингвистике – когнитивно ориентированная типология, которая исходит из того предположения, что "пределы межъязыкового варьирования в конечном счете обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, то есть когнитивной способностью человека" (с. 44). Там, где формальный подход видит в языке хаотическую усложненность, когнитивно ориентированный подход способен увидеть логику и последовательность: например, отсутствие множественного числа у обозначений собирательных совокупностей (*морковь, брусника*), но наличие у них форм сингулятива (*морковка брусничина*) обнаруживает проявление когнитивного принципа разграничения нормальных и выделенных ситуаций.

В части 2 ("Современная лингвистика в исторической перспективе") рассматриваются некоторые не утратившие актуальность вопросы истории лингвистики. В главе, посвященной Э. Сепиру, американский ученый характеризуется как опередивший свое время создатель интегрального подхода к языку и культуре, для которого языки являются "культурными хранилищами. . . сетей психических процессов" [Сепир 1993: 255]. В очерках,

посвященных И.А. Мельчуку и истории Отделения структурной (ныне – теоретической) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, объединены личные воспоминания автора, его исторические изыскания и оценки перспектив развития науки о языке. Яркий выразительный портрет "харизматической" личности, выдающегося лингвиста И.А. Мельчука, во многом определившего развитие российской лингвистики в 1960–1970-х гг., сопровождается рассказом о конфликте его с тогдашней академической средой. Во втором историческом очерке автор подчеркивает, что начиная с 1960-х гг. система перешла от наступления к обороне, и в закрытии кафедры структурной и прикладной лингвистики МГУ в 1982 г. проявилась уже не столько борьба с "чуждой идеологией", сколько откровенный цинизм – "увлеченность делом, энтузиазм и стремление к разумной деятельности становились все более подозрительными и предосудительными – это... ровняло тень на тех, кто лишь имитировал деятельность и энтузиазм" (с. 87).

Оценка А.Е. Кибрика, согласно которой модель Мельчука "значительно опережала теорию трансформационной порождающей грамматики" (с. 77), отражает мнение, распространенное в то время среди российских лингвистов. Это мнение когда-то разделял и рецензент; однако сегодня мне кажется, что Н. Хомский и И.А. Мельчук настолько поразному представляют себе смысл, цель и методы лингвистической работы, что трудно найти какую-нибудь основу для сравнения их концепций, даже с чисто "технической" точки зрения.

В части 3 ("Теория элементарного предложения") подводится итог многолетним исследованиям А.Е. Кибрика в области типологии предикативной конструкции. Центральное место здесь занимает 10 глава "Реляционная структура элементарного предложения", в которой языки, использующие технику синтаксических отношений (членов предложения) представлены как частный случай типологии, опирающейся на несколько фундаментальных прагматических и семиотических принципов. Трудности с выделением подлежащего в языках с неаккузативным типом конструкции вызваны не тем, что соответствующие аналитические критерии мало разработаны, а тем, что во многих языках отсутствует уровень ядерных синтаксических отношений, таких, как подлежащее, прямое и не прямое дополнения. Исходными семантическими ролями ядерных актантов двухместного глагола являются переходный агент и переходный пациент (А и О/Р в принятой у типологов нотации).

При расширении исходных ролей, когда имеют значение не абсолютные, а относительные значения ролевых признаков, возникают гиперроли – агентив (тот участник ситуации, который наиболее похож на агенса), актер, принципал, претерпевающий и др.

Кроме ролевого измерения, используется также коммуникативное (тема/рема и сходные категории) и дейктическое (говорящий/слушающий/прочие) измерения. Иерархия измерений: ролевое > коммуникативное > дейктическое > прочие обладает предсказующей силой, ограничивая множество языковых типов и объясняя неравномерность их статистического распределения. Выделяются нейтральная (отсутствие формы), сепаратистская (одна форма – одно значение) и кумулятивная (одна форма – несколько значений) стратегии кодирования. Языки по синтаксическому типу подразделяются на безосевые, т.е. такие, которые игнорируют ролевые, коммуникативные и дейктические концепты при оформлении актантной структуры (одним из возможных кандидатов выступает яриу индонезийский, согласно описанию Д. Гила [Gil 1994], одноосевые, т.е. чисто ролевые (навахо, арчинский), последовательно ориентированные на выражение коммуникативных категорий (лису), последовательно дейктически ориентированные – вероятность существования последнего типа невысока, см. выше иерархию измерений, отражающую количественное распределение языков по типам, возможным кандидатом выступает южноамериканский язык авантит. Тагальский язык представляет сепаратистский коммуникативно-ролевой тип, папуасский язык йимас – дейктически-ролевой, сепаратистским дейктически-коммуникативно-ролевым можно признать юкагирский язык.

Кумулятивная техника предполагает наличие особого посредствующего уровня между значениями и формами – синтаксическое уровня (подлежащее и разные виды дополнений), причем "амальгамирование" характеристик именных групп происходит в соответствии с иерархией измерений слева направо: ролевые признаки формально объединяются с коммуникативными и дейктическими. К многоосевым кумулятивным языкам относятся хорошо известные в синтаксической типологии синтаксически аккумулятивные (русский) и синтаксически эргативные (австралийский язык дирбал и филиппинский язык капампан). А.Е. Кибрик указывает на некоторые корреляции между типами и морфосинтаксическими средствами кодирования: так, безосевые языки предпочитают изолирующую морфологию и свободный порядок слов, кумулятивные языки – флективную морфологию

или жесткий порядок слов и т.д. Наиболее ценный, на наш взгляд, результат предложенной типологии заключается в том, что она, с одной стороны, верно предсказывает редкость некоторых типов (например, безосевого или чисто действительного) и, с другой стороны, допускает их принципиальную возможность. Такая исследовательская стратегия, позволяющая интегрировать "исключения" в общую картину в качестве "рецессивного" типа, представляет собой закономерный шаг вперед в методологии типологических исследований.

Идея неуниверсальности подлежащего и других синтаксических отношений находит, как и в более ранних работах А.Е. Кибрика, опору в материале дагестанских языков. На наш взгляд, в этих языках (как, вероятно, и в других "сепаратистских") точнее было бы говорить не об отсутствии кумулятивной стратегии, а о ее периферийности.

Так, в аварском языке единственный обнаруженный нами признак грамматического приоритета, ориентированный на подлежащее – контроль рефлексивных местоимений: *Расулаца живго сияхI-алда хъв-ана* 'Расул-ЭРГ себя.НОМ в.список-ЛОК записал-АОР'; **Расул жин-цаго сияхI-алда хъв-ана*, букв. 'Расула.НОМ сам-ЭРГ в.список-ЛОК записал-АОР'; ср. с непереходным глаголом *Вас жин-дихъго валагъ-ана* 'Мальчик.НОМ на.себя-ЛОК посмотрел-АОР'; **Вас-асухъ живго валагъ-ана*, букв. 'На.мальчика-ЛОК сам.НОМ посмотрел-АОР'. В цахурском языке, кроме контроля локальных рефлексивов, подлежащее контролирует также употребление указательных местоимений в анафорической функции: они не могут контролироваться подлежащим никакого элементарного предложения, в которое они входят. В абхазском языке одна из самых употребительных нефинитных глагольных форм – деепричастие на *-ны* проявляет избирательность, аналогичную поведению русского деепричастия: подлежащие главной предикации и субъект деепричастного оборота должны совпадать. При этом морфологических критериев выделения подлежащего не обнаруживается: в абхазском языке отсутствуют синтаксические падежи, а глагольное согласование эргативно, т.е. ориентировано на разграничение агенса переходного глагола и абсолютива.

А.Е. Кибрик оценивает факты приведенного выше типа как указывающие на некоторую роль, которую может играть в грамматике "бесподлежащих" языков семантическая гиперроль актора, или принципала – «главный участник, "герой" события, который в первую очередь ответственен за то, что собы-

тие имеет место» (с. 147). Основным аргумент в пользу такой гиперроли – отсутствие в восточно- и западнокавказских языках диатезных преобразований, затрагивающих позицию подлежащего (таких, как пассив), в результате чего глагольное управление в целом последовательно отражает ролевую структуру ситуации. Однако сам факт наличия пассивной конструкции, если она не взаимодействует в обязательном порядке с другими синтаксическими конструкциями, существенно не влияет на грамматические свойства актантов – так, бацбийский язык, в котором пассив есть, по структуре предложения, очевидно, мало отличается от родственных восточнокавказских языков.

В части 4 ("Типология и теория языка") в основном на материале морфологии автор демонстрирует взаимосвязь между типологическим и теоретическим подходами к исследуемому материалу. А.Е. Кибрик показывает, что для целей типологического исследования важно привлекать материал не только языков разных семей и ареалов, но и групп родственных языков – это самый удобный способ выявить пространство типологических возможностей вариативных, неустойчивых и структурно сложных параметров. Примером такого подхода выступает исследование именного словоизменения в дагестанских языках. Здесь особо надо отметить 1) разграничение дефолтного и атрибутивного склонения; 2) понятие "маркированного корня", помогающее решить проблему гетероклитических типов; 3) анализ признаков, составляющих понятие регулярности; 4) разбор проблемы "словоизменение или словообразование" и обоснование гипотезы "словоизменительно-словообразовательного континуума"; 5) анализ лакун в парадигме и их мотивации. Предложенная автором классификация дагестанских языков на основании грамматических признаков в точности соответствует "неглубоким" генетическим объединениям (с уровнем предполагаемого расхождения праязыков не ранее I-го тысячелетия до н.э.), когда, например, лезгинская группа разделяется на арчинский, удинский, шахдагские и центральнолезгинские языки.

Исследуя аномалии личного спряжения на материале даргинского, сванского, алюторского языков и языка ймса (Новая Гвинея). А.Е. Кибрик приходит к выводу, что грамматические значения, относящиеся к ролевому (агенса, пациенс и т.д.) и действительному (1 лицо, 2 лицо,...) компонентам, кодируются не автономно, а с учетом естественности или ожидаемости комбинации таких значений, причем ролевая иерархия меняет направление маркированности в зависимости от действитель-

ской характеристики актанта. Как показывает автор, постулирование нулей в грамматической структуре может отражать неверную позицию исследователя, который во что бы то ни стало стремится удержать в силе семиотический принцип прямой вычислимости отношений между формой и значением, опирающийся на свободную комбинаторику граммем минус сочетаемостные ограничения. Проявление дейктической иерархии, когда "нормальной" и немаркированной является ситуация при которой агенс занимает на этой иерархии более высокое положение, чем пациенс, можно было бы вначале проиллюстрировать на материале тех языков, где оно более прозрачно и очевидно, чем в йимасе и алюторском, например, в алгонкинских, адыгских или тибето-бирманских языках

Часть 5 ("Теория языка и языки") представляет собой семь очерков, иллюстрирующих связь некоторой грамматической проблемы с задачами теории 1) о внешнем possessore в русском языке (*В глазах у него (? в его глазах) потемнело*), 2) о связанных употреблении лексемы *сам*, 3) о неканоническом кодировании ядерных актантов на материале арчинского языка; 4) "морфологическая реконструкция когнитивной структуры на материале сферы личного дейксиса в алюторском языке; 5) базисный синтаксис алюторского языка, 6)–7) исследование стратегий согласования в цахурском и в багвалинском языках В каждом случае А.Е Кибрик стремится выявить универсальную стратегию, которая лежит в основе наблюдаемой группы явлений Например, исследование конструкции с внешним possessором приводит автора к тому выводу, что выбор этой конструкции регулируется 'факторами, взятыми из универсального репертуара', а специфика русского языка проявляется в их конкретном взаимодействии В результате становятся понятными как межъязыковые сходства, так и различия подобных конструкций

В отличие от других разделов книги, первые варианты которых были опубликованы в 1990-е гг, часть 6 ("Материалы к типологии эргативности") представляет собрание кратких очерков синтаксической структуры дагестанских языков и диалектов, опубликованных значительно ранее и отразивших теоретические и типологические взгляды, лежавшие в основе работы последних лингвистических экспедиций МГУ перед вынужденным перерывом в середине 1980-х гг Каждый очерк включает краткую характеристику падежной маркировки базовых конструкций и согласования, рефлексивизации, построения сентенциальных актантов, сочине-

ния предложений и каузативизации. Несмотря на некоторые неточности в записи и неизбежно предварительный характер сделанных автором выводов, каждый очерк может служить отправной точкой для более глубокого исследования грамматики соответствующего языка

Рецензируемая книга – несомненно, одна из наиболее важных теоретических и типологических работ, созданных в идейных рамках когнитивно-функционального направления Круг рассматриваемых в книге вопросов относится к тем, которые сегодня наиболее активно обсуждаются в типологии и теории грамматики Однако А.Е Кибрик здесь, как всегда, выражает собственную позицию, не заимствуя в готовом виде исходные предпосылки, исследовательскую повестку дня и методы у какой-либо популярной исследовательской программы Разнообразие и богатство материала гармонически уравнивается единством и последовательностью авторского подхода Сколько бы сложным и 'экзотическим' ни был исследуемый материал, А.Е Кибрик прежде всего стремится выявить в нем и подчеркнуть фундаментальные принципы, определяющие структуру естественных языков. Выход в свет книги "Константы и переменные языка" представляет собой значительное событие не только для российской лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кибрик 1977 – А.Е Кибрик Опыт структурного описания арчинского языка Т. III Динамическая грамматика. М., 1977
- Кибрик 1983 – А.Е Кибрик Лингвистические постулаты // Механизм вывода и обработки знаний в системах понимания текста Труды по искусственному интеллекту Тарту, 1983
- Кибрик 1992 – А.Е Кибрик Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания М, 1992
- Лютикова 2002 – Е.А Лютикова Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы М, 2002
- Сепир 1993 – Э Сепир Избранные труды по языкознанию и культурологии М, 1993
- Gil 1994 – D Gil The structure of Riau Indonesian // Nordic journal of linguistics 1994. V 17